

Участники совместной российско-казахстанской историко-этнографической экспедиции по проекту «С. М. Дудин — фотограф, художник, этнограф. Материалы экспедиции в Казахстан 1899 г.» (Астана, Караганда, Каркаралинск, Баян-Аул, Павлодар, 26.05—9.06.2010 г.):

Напи́л Базы́лхан
Б. С. Какабаев (руководитель казахстанской части экспедиции)
Л. Ф. Попова
Е. А. Резван (руководитель российской части экспедиции)
М. Е. Резван
Муслим Таттибаев
И. В. Стасевич
Антони Уинн (Великобритания)
А. М. Успенский
Т. М. Федорова
Досымбек Хатран

Экспедиционный проект был организован Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамерой) РАН и Центральным государственным музеем Республики Казахстан и частично профинансирован грантом Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» и Министерством Культуры Республики Казахстан. Участники экспедиции искренне благодарны И. М. Козыбаеву, Нурсану Алимбаю, В. Е. Багно, В. М. Грусману, Антони Уинну, Д. С. Шнеерсону и Ю. К. Чистову за содействие в реализации проекта. Большую работу по информационному и художественному обеспечению проекта провели А. Ю. Кудрявцева, Алтынбек Курманов, Ю. Г. Попов, Л. Ф. Попова, В. А. Прищепова, М. Е. Резван, И. В. Стасевич, Муслим Таттибаев, А. М. Успенский и Габриэль Цитен.

На первой и последней страницах обложки: камера для павильонной съемки (Европа, конец XIX в.) из собрания Музея истории фотографии (Санкт-Петербург). С любезного разрешения Музея.

Participants of the joint Russian-Kazakhstan historical-ethnographic expedition following the project "Samuel Dudin — photographer, artist, ethnographer. The materials of the expedition to Kazakhstan of 1899" (Astana, Karaganda, Karkaralinsk, Bayanaul, Pavlodar, May 26 — June 9, 2010):

Napil Bazylhan
Tatyana Fedorova
Dosymbek Hatran
Beybitkali Kakabaev (Head of the Kazakh part of the expedition)
Larisa Popova
Efim Rezvan (Head of the Russian part of the expedition)
Maryam Rezvan
Inga Stasevich
Muslim Tattibaev
Anton Uspenskiy
Antony Wynn (Great Britain)

The expedition project was organized by the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences and the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan and partially sponsored by grants from the Program "The Historical Cultural Heritage and Spiritual Values of Russia" from the Presidium of the RAS and from the Ministry of Culture of the Republic of Kazakhstan. We are sincerely thankful to Ilyas Kozymbayev, Nursan Alimbay, Vsevolod Bagno, Yuriy Chistov, Vladimir Grusman, Dmitry Shneerson and Antony Wynn for their help in project development and to Anna Kudryavtseva, Alтынбек Курманов, Yuriy Popov, Larisa Popova, Valeriya Prischeпова, Maryam Rezvan, Inga Stasevich, Muslim Tattibaev, Anton Uspenskiy and Gabriele Zietzen for taking care of a great deal of work in the field of dataware in the expedition's preliminary preparation and its realization.

On the first and back cover: studio camera (Europe, 19th century) from the St. Petersburg Museum of the History of Photography. Courtesy of the Museum.

Самуил Дудин — фотограф, художник, этнограф (материалы экспедиций в Казахстан 1899 г. и 2010 г.)

Ефим Резван

Efim Rezvan

Samuel Dudin — Photographer, Artist, Ethnographer (The materials of the expeditions to Kazakhstan of 1899 and 2010)

Saint-Petersburg
2010

ТАКСИС — ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ

«...Область, подлежащая фотографической фиксации, почти так же широка и неограничена, как и область художника. При этом у фотографа будет еще преимущество скорой работы и фиксации тех, последнему совершенно недоступных. ... материал, доставленный фотографом, будет иметь все преимущества документальности, беспристрастного и точного протокола...»

С. М. Дудин

«В свете теории таксиса некоторые категории и понятия традиционной лингвистики, связанные с выражением позиционного времени, в первую очередь, такие, как "относительное время", "относительные времена", "согласование времен" были подвергнуты пересмотру и получили новую интерпретацию, обнаруживающую у различных исследователей, подчас существенные расхождения».

С. М. Полянский

Рис. 1. «Установка юрты на джайлау». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Фотопринт-латок, 8,0 × 39,0 см. ЦМК, н.д. № НБФ 5289/10 «а» (исходный фотопринт ЦМК № 1199-36, 23,8 × 16,8 см).

Fig. 1. "Placing of yurt at summer pasture (jaylaw)". Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899. Photographic print, 8.0 × 39.0 cm. The collection of CMK No. НБФ 5289/10 "a" (source photo MAE RAS, No. 1199-36, 23.8 × 16.8 cm).

TAXIS — RELATIVE TIME

«...The area, which is subject to photographic fixation, is almost as broad and unlimited as the area of an artist. Meanwhile, a photographer will also have an advantage of quick work and fixation, which are absolutely unavailable to the latter... the material delivered by a photographer will have all the advantages of documentality, unbiased and accurate protocol...»

S. M. Dudin

"In the light of the theory of taxis some categories and notions of traditional linguistics that have to do with the expression of the positional time — such as 'relative time', 'relative times', 'sequence of tenses' — were subject to reexamination and thus were interpreted in a new way, which at times discovered quite significant divergences between various researchers".

S. M. Polyansky

Востоковед-историк должен быть филологом в первую очередь. Этому учат с первых дней пребывания на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета. Петербургский востоковед часто видит и описывает мир в лингвистических терминах. «Математичность» лингвистики помогает увидеть структуру в хаосе и дает в руки исследователя нить, которая поможет выбраться из любого лабиринта. Правоту своих учителей я в который раз оценил в Казахстане, куда в конце мая 2010 г. отправилась совместная российско-казахстанская историко-этнографическая экспедиция. Как раз накануне отъезда я работал со статьей одного из крупнейших лингвистов XX в. Романа Якобсона, в которой он впервые ввел в оборот важный для современной лингвистики термин

'таксис'. Возможно, именно под влиянием этой статьи вся наша поездка предстала для меня в околингвистических образах и понятиях.

Основной задачей экспедиции был сбор материалов для научного обеспечения публикации казахских коллекций Петербургской Кунсткамеры. Комплексный научный, экспедиционный, выставочный и издательский проект с предваритель-

¹ Р. О. Якобсон «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол», *Принципы типологического анализа языков различного строя* (Москва, 1972), с. 101; о развитии понятия таксис в современной лингвистике см., например, С. М. Полянский, «Таксис — относительное время — эвиденциальность (к проблеме критериев разграничения)», *Сибирский лингвистический семинар II* (Новосибирск, 2001). В Древней Греции термин τόξις был связан, прежде всего, с военной организацией и обозначал боевую линию, позицию войск, военное звание, собственно войска.

An orientalist historian must be a philologist in the first place. This is taught from the very first days at the Oriental Faculty of the University of St. Petersburg. Petersburg orientalist often sees and describes the world in linguistic terms. The "mathematicity" of linguistics helps one see structure in chaos and gives a thread to a researcher, which will help him get out of any maze. I had a chance to appreciate the rightness of my teachers again in Kazakhstan, which a Russian-Kazakhstan historical-ethnographic expedition set off to at the end of May of 2010. Right the day before the departure I was working with an article of one of the most large-scale linguists of the 20th century, Roman Jakobson, where he for the first time introduced a very important term for the modern linguistics — 'taxis'. Perhaps, it is under the influence of this very article our

¹ R. O. Jakobson, "Shifters, verbal categories and Russian verb", *Se-*

while trip appeared to me in the circum-linguistic images and notions.

The main task of the expedition was to collect material for the scientific support for publication of the St. Petersburg Kunstkamera Kazakh collections within the framework of the large-scale scientific project provisionally entitled "Traditional Kazakh Culture in the Collections of Objects and Photographs in the MAE RAS". The complex scientific, expedition, exhibition and publishing project is designed by the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), *Russicized Writings* (The Hague, 1971), ii, p. 133; about the development of the notion of taxis in modern linguistics see, for instance, S. M. Polyansky, "Taxis — relative time — evidentiality (for the problem of differentiation criteria)", *Siberian Linguistic Seminar II* (Novosibirsk, 2001) (ancient Greek τόξις, f. — correct order / line, rank, grade, military order, battle-line, place, post, military troops).

ном названием «Традиционная казахская культура в предметных и фотоиллюстративных коллекциях МАЭ РАН» задуман МАЭ и Центральным государственным музеем Республики Казахстан с целью объединения усилий ведущих ученых двух стран в деле исследования и публикации казахского собрания МАЭ, одного из интереснейших и старейших в мире. История этой коллекции теснейшим образом связана и с историей России, и с историей Казахстана XIX — начала XX вв. Среди ее собирателей Чингиз Валиханов, отец казахского ученого-просветителя Чокана Валиханова, выдающийся русский художник В. В. Верещагин, знаменитый путешественник и исследователь Центральной Азии Г. Е. Грум-Гржимайло, выдающийся востоковед-тюрколог Н. Ф. Катанов, первый российский генерал-губернатор Туркестана К. П. фон Кауфман, последний император

sian Academy of Sciences (MAE below) and the Central State Museum of Republic of Kazakhstan for the purpose of uniting the efforts of the leading scientists of the two countries in the field of research and publication of the Kazakh collection of the MAE, one of the most interesting and oldest in the world. The history of the collection is closely associated with the history of Russia and the history of Kazakhstan of the 19th — early 20th centuries. Among its collectors were Chinghiz Valikhanov, the father of the Kazakh enlightenment scientist Chokan Valikhanov, Vasilii Vereschagin, a prominent Russian artist, Grigory Grum-Grzhimaylo, a well-known traveller and researcher of Central Asia, Nikolay Katanov, a prominent orientalist-Turkologist, Konstantin von Kaufmann, the first Russian governor-general of Turkestan, Nicholas II, the last emperor of Russia, Friedrich W. Radloff, the director of the MAE and many others.

Рис. 2. «Казакы в районе Павлодара». Фотограф С. М. Дудин, Казакстан, 1899 г. Фотоотпечаток, 8,0 × 39,0 см. ЦМК, код. № НФФ 5289/10 «А» (исходный фотоотпечаток МАЭ РАН, № 1199-7, 23,8 × 16,8 см).

Первые сведения о предметах по традиционной культуре казахов в собрании Кунсткамеры встречаются уже в Каталоге-путеводителе по музею, вышедшем в свет в 1800 г. Фотография хана Букеевской орды Джангира с женой датируется периодом «между 1839 г. (год изобретения фотографии) и 1845 г. (год смерти Джангир-хана) и поэтому может считаться наиболее ранней фотографией, а не дагерротипом, среди фотоколлекций МАЭ по народам Средней Азии и Казахстана и одной из первых отечественных фотографий в истории этого вида искусства». Переданная в МАЭ в 1880 г.

В. А. Прищепова, Традиционная культура казахов в коллекциях МАЭ РАН (в печати).

Рис. 2. «Казакы в районе Павлодара». Фотограф С. М. Дудин, Казакстан, 1899 г. Фотоотпечаток, 8,0 × 39,0 см. ЦМК, код. № НФФ 5289/10 «А» (исходный фотоотпечаток МАЭ РАН, № 1199-7, 23,8 × 16,8 см).

Fig. 2. "Kazakhs in the region of Pavlodar". Photo by Samuel Dudin, Kazakhstan, 1899. Photographic print, 8.0 × 39.0 cm. The collection of ЦМК No. НФФ 5289/10 "А" (source photo MAE RAS, No. 1199-7, 23.8 × 16.8 cm).

The first information on the objects of traditional culture of Kazakhs in the collections of Kunstskamera is found in the Catalogue Guide of the Museum, released in 1800. The photograph of the khan of Bukey Horde, Jangir, with his wife dates back to the period "between 1839 (the year photography was invented) and 1845 (the year Jangir-khan died), and therefore it can be considered the earliest photograph — and not a daguerrotype — among the photographic collections of the MAE on the theme of the peoples of Central Asia and Kazakhstan and one of the first domestic photographs in the history of this branch of arts². The Photographic collection of the famous zoologist Polyakov made among the Kazakhs of the Semipalatinsk province and passed on to the MAE is

В. А. Прищепова, Традиционная культура казахов в коллекциях МАЭ РАН (в печати).

фотоколлекция известного зоолога И. С. Полякова, выполненная среди казахов Семипалатинской области, является старейшим музейным собранием, которое целиком посвящено изучению одного народа. Среди музейных экспонатов старинный и богато украшенный сердоликовыми вставками, серебром и золотом пояс, хранившийся по преданию в роду одного из самых знаменитых ханов Среднего жуза — Аблай-хана (1711–1781). По мотивам именно его биографии снят первый казахстанский блокбастер «Кочевники» (режиссеры Иван Пассер / Сергей Бодров, 2005).

В собрании МАЭ хранится и уникальное собрание фотоматериалов Самуила Мартыновича Дудина (1863–1929), художника, ученого-этнографа, путешественника и коллекционера. Он был непосредственным участником эпохи «бури и

the oldest museum collection, totally dedicated to the study of one people group. Among the museum exhibits there is an antique belt, richly inlaid with cornelian insets, silver and gold. According to the legend it was kept in the clan of one of the most prominent khans of Middle Juz — Ablay-khan (1711–1781). The first Kazakhstan blockbuster "Nomad" (directed by Ivan Passer / Sergey Bodrov, 2005) was filmed against the background of his biography. The list of interesting exhibits may easily be continued.

The collections of the MAE also keep a unique collection of the photographic material of Samuel Martynovich Dudin (1863–1929), an artist, ethnographer-scientist, traveller and collector. He was one of the last direct participants of the "storm and onslaught" epoch in the history of the MAE RAS, that had to do with the names of Vasily Vasilyevich (Friedrich

натиска» в истории МАЭ, связанной с именами Василия Васильевича Радлова (1837–1918) и Льва Яковлевича Штернберга (1861–1927). Тогда была поставлена цель создать в Петербурге научный музей общечеловеческой культуры, который был бы достоин столицы великой страны.

После серии арестов за участие в революционном движении и ссылки в Сибирь, С. М. Дудин, по ходатайству директора Музея антропологии и этнографии академика В. В. Радлова, получил возможность поселиться в Санкт-Петербурге и принять участие в научных проектах Музея. В столице Радлов помог бывшему смыслному поступить в Императорскую Академию художеств. Блестяще окончив курс Академии, где он был учеником И. Е. Репина, и, получив в 1897 г. звание художника, С. М. Дудин принимает активное участие в художественных выставках, активно работает как книжный график. При этом уже тогда главным в его жизни, несомненно, было активное участие в серии экспедиций по изучению памятников Центральной Азии, организованных МАЭ. Он, в частности, работал в среднеазиатской экспедиции В. В. Бартольда (1893–1894) и в обеих экспедициях С. Ф. Ольденбурга в Китайский Туркестан (1909–1910 и в 1914–1915); активно занимался изучением художественных и этнографических памятников. Вскоре С. М. Дудин стал ученым хранителем и секретарем Музея антропологии и этнографии, возглавил в нем Отдел древностей Восточного Туркестана, стал бессменным секретарем основополагающих для русской этнографической науки Радловских чтений. С 1900 по 1908 г. он почти ежегодно выезжал

Wilhelm Radloff (1837–1918) and Lev Yakovlevich Sternberg (1861–1927) They set a goal before themselves — to create a scientific museum of the culture common to all mankind, which would be worthy of the capital of the great country.

After a series of arrests for participating in the revolutionary movement and an exile to Siberia, Samuel Dudin, on account of the petition of Radloff, the director of the Museum of Anthropology and Ethnology and full member of the Academy of Sciences, was given permission to take up his residence in St. Petersburg and participate in the scientific projects of the Museum. Radloff helped the ex-exile to enter the Emperor's Academy of Arts in the capital. Having graduated the Academy, where he studied under famous Russian artist Ilya Repin, with flying colours and having obtained the artist status in 1897, Samuel Dudin took an active part in art exhibitions and actively

worked as a book graphic artist. With all that in mind the main role in his life had already been given to active participation in the series of expeditions dedicated to the study of the monuments of Central Asia; those expeditions were organized by the MAE. In particular he worked in the Central Asian expedition of Vasily Barthold (1893–1894) and in both expeditions of Sergey Oldenburg to Chinese Turkestan (1909–1910 and 1914–1915). He soon became actively involved in the study of the artistic and ethnographic monuments. Samuel Dudin became an academic custodian and secretary of the Museum of Anthropology and Ethnography, became the head of the Department of the Antiquities of the Eastern Turkestan in it, and became an unchallenged secretary of Radloff's readings, fundamental for Russian ethnographic science. From 1900 to 1908 he went to the land of Turkestan almost annually. Samuel

в Туркестанский край. С. М. Дудин стал основоположником коллекции Этнографического отдела Русского музея (ныне — РЭМ) по этнографии народов Средней Азии³.

Это была романтическая эпоха, которую сегодня можно назвать временем «первой медийной революции», эпоха фотографов-путешественников и первооткрывателей. Переносные фотокамеры и звукозаписывающие устройства позволили совершенно иначе взглянуть на работу в поле. Этнографы встретили новые возможности с громадным энтузиазмом. О том, какое значение имели в то время фотооборудование и материалы, свидетельствуют сохранившиеся архивные материалы, связанные с подготовкой к экспеди-

³ Здесь собраны, связанные с его именем, содержат свыше 4000 экспонатов и около 1500 фотографий.

Рис. 3. «Казакши в районе Павлодара». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Фотоотпечаток, 8,0 × 39,0 см. ЦМК, ном. № НБФ 5289/10-б (исходный фотоотпечаток МАЭ РАН, № 1199-15, 23,8 × 16,8 см).

Dudin became a pioneer of the collection at the Ethnographic Department of the Russian Museum (today it is known as the Russian Ethnographic Museum) of ethnography of the peoples of Central Asia⁴.

That was a romantic epoch, which today can be nicknamed as the time of “the first media revolution”, the epoch of photographing travellers and discoverers. Portable still cameras and sound-recording equipment made it possible to take a different look at the field work. Ethnographers welcomed new opportunities with great enthusiasm. How significant were photographic equipment and materials is testified by the surviving archived materials, that have to do with the preparation for the expeditions of those years. A substantial

³ Here the collections, which have to do with his name, contain over 4000 exhibits and about 1500 photographs.

ция тех лет. Значительная часть средств, направленных на закупку снаряжения (где-то четверть всех экспедиционных расходов), часто шла на приобретение фотографических пластинок. Для экспедиции в Китайский Туркестан, например, из расчета на год их было закуплено 60 пудов (г. е. почти тонна!)⁴, а это поклажа как минимум трех верблюдов.

Увлечшись фотографией, Дудин стал основателем и (с 1911 г.) бессменным руководителем специализированной фотолaborатории Музея антропологии и этнографии — одной из первых в мире — и, фактически, одним из основателей научного направления, которое принято сегодня называть *визуальной антропологией*. Уникальность творческого

⁴ Протоколы заседания Русского Комитета по изучению Средней и Восточной Азии. 1914 г. Протокол № 2, § 27, сс. 19–20.

amount of funds designated for buying the equipment (which was about one fourth of all the expedition expenses) was used for buying photographic plates. At the Second Russian Turkestan expedition in total on the yearly basis there were bought 60 poods (i. e. almost a ton!)⁴, and that was the load for three camels at the least.

Having taken a great interest in photography, Dudin became the founder and (after 1911) the permanent head of the specialized photographic laboratory of the Museum of Anthropology and Ethnography — one of the first in the world — and practically one of the founders of a scientific trend, which is today referred to as *visual anthropology*. The uniqueness of the artistic heritage of Dudin in many respects

⁴ The Minutes of the Russian Committee for the Study of Central and Eastern Asia Meeting. 1914. Minutes No. 2, § 27, pp. 19–20.

наследия Дудина во многом состоит в его особом подходе к материалу, подходе, объединяющем талант и профессионализм подлинного художника с научной основательностью и объективностью. Именно поэтому монографическая публикация коллекции Дудина задумана в качестве первого этапа реализации проекта «Традиционная казахская культура в предметных и фотоиллюстративных коллекциях МАЭ РАН».

В основу маршрута экспедиции 2010 г. легли материалы поездки 1899 г. С. М. Дудина в Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую области. Целью экспедиции было, в частности, создание специальной экспозиции для Парижской всемирной выставки. Проект реализовывался знаменитым «Этнографическим бюро», созданным 1897 г. русским фабрикантом и меценатом князем В. Н. Тенишевым

(1843–1903). Основной целью этого громадного предприятия были организация и проведение массового сбора сведений о русском крестьянстве по «Программе этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленной князем В. Н. Тенишевым». Казахский проект Тенишева показывает, что на определенном этапе он был готов существенно расширить исследовательские рамки «Бюро».

Газета «Русский Туркестан» в двух номерах от 14 июля и 11 августа 1899 г., в рубрике «Азиатское эхо» поместила один и тот же текст: «Этнографическое бюро князя Тенишева издает к Парижской выставке обширное исследование о киргизах, снабженное иллюстрациями, выполнение которых возложено на специально командированного для этой цели в Степной край художника Дудина».

Fig. 3. “Kazakhs in the region of Pavlodar”. Photo by Samuel Dudin, Kazakhstan, 1899. Photographic print, 8.0 × 39.0 cm. The collection of CMK, No. HBF 5289/10 “6” (source photo MAE RAS, No. 1199-15, 23.8 × 16.8 cm).

lies in his special approach to his material, an approach that combined the talent and professionalism of a true artist with a scientific thoroughness and objectivity. That is why the monographic publication of Dudin’s collection will become the first stage of the realization of the project “Traditional Kazakh Culture in the Collections of Objects and Photographs at the MAE RAS”.

The expedition’s route of 2010 was based on the material resulting from Samuel Dudin’s trip to Akmoла, Semipalatinsk and Semirechnye provinces in 1899. Dudin’s expedition was taken up for the particular purpose of forming a special exhibition for the Paris World Fair. The project was realized by the famous “Ethnographic Bureau”, formed in 1897 by a Russian manufacturer and patron, Prince V. N. Tenishev (1843–1903). The main goal of this enormous venture was

the organization of and the implementation of the mass collection of information about Russian peasantry under “The Program of Ethnographic Information of the Peasants of Central Russia, Compiled by Prince Vyascheslav Tenishev”. The Kazakh project of Tenishev reveals that he was ready to substantially broaden the research frames of the “Bureau” at a certain stage.

The newspaper “Russian Turkestan” published one and the same text in two of its issues (July 14th and August 11th of 1899) in the column of “Asian Echo”: “On the occasion of the Parisian exhibition the ethnographic bureau of Prince Tenishev will issue a spacious research about the Kirghiz, supplied with illustrations, the execution of which is laid on Dudin, an artist who was sent to the steppe lands specifically for this purpose”.

Тогда, в процессе поездки в Казахстан, Дудину удалось сделать около 500 фотографий кочевого быта: бытовых сцен и пейзажей, портретов людей, их занятий, внутреннего убранства жилищ, живоков, кочевий, одежды, музыкальных инструментов. Дудиним были также сделаны зарисовки казахского орнамента⁴ и собра-

⁴ Альбом С. М. Дудина, посвященный казахскому и киргизскому народным орнаментам и состоящий из 60 аквазелей хранится в Научно-исследовательском музее Российской Академии художеств (Отдел архитектуры, А-21646-А-21705, аннотированные копии в МАЭ РАН, колл. №№ 2450, 2530, 14 цветных копий — в ЦГМ РК). К коллекции прилагают рисунки, чертежи и планы, выполненные Дудиным в ходе экспедиции 1899 г. (внутренний вид зимней усадьбы казаков, выкройки войлочных покрытий юрты, виды мужской и женской одежды, скелет для хранения огня и кресла, цветные зарисовки подпорок чонкорков, орнамента на тростниковой циновке — чие, 14 единиц хранения, колл. № И-1446).

Рис. 4. «Степные ландшафты. Район Семипалатинска». Фотограф С. М. Дудин, Казахстан, 1899 г. Фотоотпечаток, 8,0 × 38,0 см. ЦМК, колл. № НБФ 5289/4 «а» (исходный фотоотпечаток МАЭ РАН, № 1199-159, 23,0 × 14,0 см).

In the process of his Kazakh trip Dudin managed to take 500 photographs, that pictured the nomadic lifestyle of the Kazakhs: everyday scenes and landscapes, human portraits, people's occupation, interior design and decoration, winter and summer nomad camps, dress and musical instruments. Dudin also managed to sketch Kazakh ornaments⁵ and collect ethnographic

⁵ The album of Samuel Dudin dedicated to the Kazakh and Kirgiz folk ornament and consisting of 60 watercolours is kept in the research museum of the Russian Academy of Arts. (The architecture department, А-21646-А-21705, annotated copies in the MAE, collections Nos. 2450, 2530, 14 colour copies — in the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan). The collection is accompanied by drawings, drafts and plans made by Dudin in the course of the expedition of 1899 (interior view of a Kazakh farmstead, patterns of felt yurt coverings, types of men's and women's clothing, bags for keeping flint and steel, colour sketches of the chongkor supports, of the ornament on a reed mat — chiy, 14 items in the keeping, coll. No. И-1446).

на коллекция этнографических предметов⁶. По разно-

⁶ «Из поездки 1899 г. С. М. Дудин привез резные деревянные шкафы, женские серебряные украшения, не сохранившиеся черпак и кожаную посуду для кумыса, струнные музыкальные инструменты, предметы домашней утвари, крашеное ружье местной работы, а также старинную подпору для веретено кружки юрты — *одол-бокэн*, — которую собирать приходило в летнее у г. Якши Нияз. Часть предметов коллекции были из г. Павлодара — мужской пояс ссе с остроконечным набором и старинные палачи с образцом вышивки. На Куйбыдинская ярмарке он купил изделия ювелира — несколько колец и щипцы для выдергивания волос. Их прикарывали вместе с "гигиеническим набором" справа на груди к камзолу и носили женщины и мужчины среднего и пожилого возраста. От сына известного казахского исследователя Мусы Чорманова, Садакаса музей получил в дар веретено уршук для прядения тонких нитей, ложку *оюку* для кумыса, сделанную из одного куска дерева и деревянную ложку, позлащенную форму уршук, а из Баянаула, вогнутого Чорманова, мужскую шапку *тырмак* и табакерку для кожаного табака (МАЭ, колл. № 493)» (Приложение, К истории казахских коллекций С. М. Дудина в МАЭ РАН (в печати)).

artifacts⁷. On account of the diversity of the subject matter and

⁷ "From the journey of 1899 Samuel Dudin brought the fretted wooden cabinets, women's silver adornments, not well-preserved scorpions and leather ware for kumis, string musical instruments, items of household utensils, a flintlock made locally, and an antique support for the upper yurt circle — *odol bokon*, — which the collector acquired at the summer camp by the town of Yekshi Niyaz. Part of the collection items were from Pavlodar — a men's belt *esse* with a hinting set and antique tambours with an embroidery sample. At the Kuyandinskaya fair he bought some bijouterie — several rings and pincers for hair plucking. They were pinned to the right side of the jacket together with a "hygienic set" and worn by men and women alike of middle and elderly age. From the son of a known Kazakh researcher, Musa Chormanov, Sadakass, the museum received a spindle *urshuk* for thin-thread spinning, a spoon *gily* for kumis, made of one piece of wood and a wooden spoon, which is a replica of sorts of a Russian spoon, and from Bayanaul, the ancestral lands of Chormanov, — a man's hat *tyrmak* and a snuffbox. (MAE, coll. No. 493)" (Pisitshepova, For the history of the Kazakh collections of Samuel Dudin in the MAE RAS (in print)).

образно тематики и количеству снимков, коллекцию № 1199⁸, переданную Дудиным в Музей в 1907 г., вполне можно считать фотографической энциклопедией традиционного казахского быта.

Архив экспедиции Дудина не сохранился, но тщательный анализ его фотографий позволил восстановить основные точки его маршрута. В результате было выявлено два

⁷ В ЦГМ РК хранится серия из шести фотопанорам Дудина, отсутствующая в МАЭ. К сборнику в целом приывает коллекция стереонегативов (№ 2181), переданная С. М. Дудиным в музей в 1910 г. В ее состав входят виды степей, гор, живоков казаков, которые встречались во время экспедиции С. Ф. Ольденбурга на пути до Турфана, а также негативы путейских снимков из жизни казаков по дороге из Семипалатинска до Чучукача, сделанные в ходе экспедиции 1914-1915 (№ 2114, см. также колл. № 2491).

Fig. 4. "Steppe landscapes. Semipalatinsk region". Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899. Photographic print, 8,0 × 38,0 cm. The collection of CMK, No. НБФ 5289/4 "а". (source photo MAE RAS, No. 1199-159, 23,0 × 14,0 cm).

the number of photographs, this collection No. 1199⁹, given by Dudin to the Museum in 1907, can fully be considered a photographic encyclopedia of traditional Kazakh life.

The archive of Dudin's expedition did not survive, but thorough analysis of Dudin's photographs made it possible to establish the main way points of his route. As a result, two junctions of the active field work of Samuel Dudin were brought to

⁷ The Central State Museum of the Republic of Kazakhstan keeps a series of six photographic panoramas taken by Dudin. Generally the collection is accompanied by a collection of stereo negatives (No. 2181), given by Dudin to the museum in 1910. It consists of the views of steppes, mountains, winter camps of the Kazakhs, which the members of the expedition of Sergey Oldenburg came across on their way to Turfan, and also of the negatives of the journey photographs of the life of the Kazakhs on the way from Semipalatinsk to Chuchepova, made in the course of the expedition of 1914-1915 (No. 2114, see also collection No. 2491).

узла активных полевых работ: Баянаульский в Павлодарском уезде и Каркаралинский в Каркаралинской области Семипалатинской области. Именно здесь и прошла основная работа экспедиции 2010 г. По результатам экспедиции нам предстояло уточнить и исправить многие атрибуции фотографий Дудина и получить дополнительный материал, позволяющий взглянуть на зафиксированные Дудиным объекты с учетом исторической перспективы и информации, собранной специалистами за годы, прошедшие после его поездки.

***

Проселочная дорога бежала по степи, то и дело пересекая по отрямам мелкую речушку. Удерживая видеокамеру,

light: Bayanaul in the Pavlodar uyezd and Karkaralinsk in the Karkaralinsk uyezd in Semipalatinsk province. At those spots particularly the main work of the expedition of 2010 took place. Our goal was to clarify and correct the attributions of the photographs of Dudin, and to collect material permitting us to look at the objects registered by Dudin taking into consideration scientific perspective and information, collected by specialists throughout the years since his journey.

***

The cart road was running along the steppe every now and then crossing a little river at the sand bars. Holding on to the video camera, which seemed at aim at tearing itself out of my hands at every pothole, I was looking intently through

норовишую вырваться из рук на каждом ухабе, я всматривался в пыльное окошко нашего УАЗика. Чем дальше мы углублялись в степь, тем больше всепогодная и сверхпроходимая «буханка», которую я встречал на дорогах от Эфиопии до Вьетнама, напоминала мне машину времени. На этой фантастической земле запросто сосуществуют разные эпохи и сегодня, когда я вспоминаю нашу поездку, для меня более важными оказываются не географически точная и последовательная фиксация перемещений в пространстве, а именно «путешествие во времени». Я распадаюся впечатления «по временам», и, прежде всего, оказываясь в «бесконечном традиционном времени» (*continua tempora tradita infinitaque*) кочевой степи, в которой мало что изменилось со времен Чингисхана.

Fig. 5. «Steppe landscapes. Semipalatinsk region». Фотограф С. М. Дудин, Казахстан, 1899 г. Фотоотпечаток, 8,0 × 38,0 см. ЦМК, код. № НБФ 5289/4 «н» (исходный фотоотпечаток МАЭ РАН, № 1199–226, 23,8 × 17,0 см).

the dusty window of our UAZ⁴. The deeper into the steppe we were going, the more the all-weather “Loaf” with the superfloatation ability, which I met on the roads from Ethiopia to Vietnam, reminded me of the time machine. Different epochs unceremoniously coexist on this fantastic soil; and today, when I remember our journey, it is our time travelling that seems to me more important than geographically accurate and successive fixation of our space travelling. I lay out my impressions according to time, and, first of all, I find myself in the “infinite traditional time” (*continua tempora tradita infinitaque*) of the nomadic steppe, where little has changed since Genghis Khan.

⁴ Russian made pickup-truck / minibus as simple and effective as Kalashnikov rifle. Its form reminds Loaf of Russian bread, so it is often blandly called Loaf (“Bukhanka” in Russian).

Мы ехали в урочище Кент, где сто лет назад Дудин снимал древние развалины, и картинка за окном все больше напоминала иллюстрации к «Сокровенному сказанию» монголов, уютная рукопись которой хранится в библиотеке Восточного факультета СПбГУ, или к знаменитому «Собранию летописей», составленному визирем-идеом, мудрым реформатором, врачом и историком Рашид ад-Дин (ок. 1247–1318), успевшим до своей казни сложить в книгу все доступные сведения по истории монголов. Мы остановились, чтобы снять табун лошадей, плотно сбившийся в тени небольшой группы деревьев. Великая степь, на Запад уходящая к горизонту, одновременно пахла горькими и сладкими травами. Громадный купол неба накрывал этот мир, который, казалось, ничуть не изменился за сто лет.

We were going to the valley of Kent where one hundred years ago Dudin photographed ancient ruins, and the images outside the window more and more looked like illustrations to “The Secret History of the Mongols”, a unique manuscript of which is kept in the library of the Oriental Faculty of Saint-Petersburg State University, or to the celebrated “Compendium of Chronicles”, compiled by the Jewish vizier, Rashid al-Din (ca. 1247–1318), a wise reformer, doctor and historian, who before his execution managed to compile into his book all the accessible information on the history of Mongols. We made a stop in order to photograph a herd of horses that bunched closely together in the shade of a small group of trees. The great steppe, stretching east to the horizon, smelled simultaneously of bitter and sweet herbs. The immense dome of the sky covered this world, which, as it seemed, never changed for hundreds of years.

Ощущение иного времени резко усилилось в самом урочище — природной крепости закрытой от острых степных ветров, идеальном месте стоянки и зимовки с чистойшим ручьем, смородиной и земляникой. Здесь мог разыграться любой из эпизодов ранней истории Чингисхана. Не хватало только десятка юрт с женщинами и детьми, вдруг отчаянно залающих сторожевых собак, свиста стрелы и всадников в мгновение око похватавших чужих жен и тут же исчезающих в безбрежной степи. Развалины стояли там же, где их снял Дудин, только за сто лет из двух-стали одиночными. Предположительно это буддистский храм, построенный в XVI в., но сама аура урочища невольно заставляла фантазировать о принцессе, зазимовавшей здесь по дороге к далекому жениху. Официальная табличка, сохранившаяся с со-

ветских времен, гласит «Дворец Кызыл-Кент. XVI–XVII вв. Памятник охраняется государством».

Вечером того же дня мы попили пенный кумыс и наблюдали как хозяйка сбивала его ровно так же, как и сотни лет назад. Здесь помнят имена минимум семи поколений предков, и плечут, слушая песни о джунгарских войнах XVII–XVIII вв., так будто оплакивают отца или старшего брата.

Для коренного жителя Степи немощь традиционного времени, диктуемые им приоритеты сегодня те же, что и тысяча, пятьсот, или даже триста лет назад. При этом традиционное время всегда существует в связке с традиционным пространством. Тот, кто занимался историей Аравии, читал древнюю арабскую поэзию или воспоминания путешественников, прошедших по аравийским пустыням, кто сам поездил

Fig. 5. “Steppe landscapes. Semipalatinsk region”. Photo by Samuel Dudin, Kazakhstan, 1899. Photographic print, 8,0 × 38,0 cm. The collection of CMK, No. НБФ 5289/4 “н” (source photo MAE RAS, No. 1199–226, 23,8 × 17,0 cm).

The sense of a different kind of time was reinforced in the valley itself — a natural fortress shut off from the sharp steppe winds, an ideal place for camping or a winter camp with the purest brook, currants and wild strawberries. Any of the episodes of the early history of Genghis Khan could unfold here. The only things that were missing were about ten yurts with women and children, guard dogs desperately barking all of a sudden, the hissing of arrows and horsemen grabbing somebody else’s wives in the blink of an eye and at once disappearing into the boundless steppe. The ruins were exactly where Dudin photographed them, only one hundred years later they lost the second story and turned into one-story ruins. Supposedly this is a Buddhist temple, built in the 16th century, but the aura of the valley automatically makes one dream of a princess, who stayed here for winter on the

way to her distant fiancé. The official plate, surviving since the Soviet times, runs “The Palace of Kyzyl-Kent, the 16th–17th centuries. The monument is under protection of the state”.

In the evening of the same day we were drinking foamy kumis, watching as the hostess was whipping it exactly as it was done hundreds of years ago. Here people remember the names of at least seven generations of ancestors and hearing the songs of the Dzungar wars of the 17th–18th centuries they cry in such a way as though they literally mourn for their fathers or older brothers.

For an aboriginal of the Steppe the rhythm of the traditional time and the priorities it dictates today are exactly the same as they were one thousand, five hundred or two hundred years ago. Traditional time always exists in relation to traditional space.

по Аравии, знает, что для местного поэта или бедуина-проводника нет приметной скалы, валуна, группы кустов или пальм, которые не имели бы своего названия и связанной с ними истории. Ровно также наш проводник, сотрудник баянальского музея Алтынбек, рассказывал нам о степных достопримечательностях, безошибочно указывая на место стоявших когда-то зимовок, повествуя о битвах, важных событиях, рождениях великих соотечественников. Мы же не видели в «стандартных» россыпях камней ничего приметного.

— Останьтесь здесь, — сказала Алтынбек водителю. — Это Аблайдын Сарыадыри, отсюда в каждую сторону видно на 45 километров. Здесь все священные для казахов места. Здесь на белых козах ханов поднимали. Всюду — история выгаса.

Рис. 6. «Степные ландшафты. Район Семипалатинск». Фотограф С. М. Дудин, Казахстан, 1899 г. Фотоотпечаток, 8,0 × 38,0 см. ЦМК, код. № НБФ 5289/4 «6» (исходный фотоотпечаток МАЭ РАН, № 1199-124, 24,0 × 17,2 см).

Fig. 6. "Steppe landscapes. Semipalatinsk region". Photo by Samuel Dudin, Kazakhstan, 1899. Photographic print, 8.0 × 38.0 cm. The collection of CMK, No. НБФ 5289/4 "6" (source photo MAE RAS, No. 1199-124, 24.0 × 17.2 cm).

Whoever studied the history of Arabia, read ancient Arabic poetry or the memories of travellers, who passed through Arabic deserts, and travelled across Arabia, knows that for a local poet or a Bedouin guide there is not one visible rock, boulder or group of bushes or palms that doesn't have its own name and a history linked to it. In exactly the same manner our guide Alтынбек, an employee of the local museum of Bayanaul, told us of the steppe places of interest, unmistakably pointing to the places of winter camps of the times long gone, telling of the battles, significant events, births of important fellow countrymen. As for us we saw nothing prominent in the "standard" rock deposits.

"Stop here," said Alтынбек to the driver. "This is Abлайдын Сарыадыри, from here one can see as far as 45 kilometres in any direction. All the sacred sites of the Kazakhs are here. Khans

were lifted up here on white felt mats. Everywhere around us is our history".

Closer to the evening we were standing at the oval hole in the ground of about seven meters in diameter. The bottom could not be seen.

"English gold-bearing mine", clarified Alтынбек. "And over there", he pointed to the barely seen line of rocks protruding from the ground, "was a concentrating mill". Some time later in the blacksmith shop, which has stood at that place for 300 years, he showed us a surviving tray for gold panning and told us one of his stories. And English entrepreneur, having started a business in the early 20th century, did not calculate his investments correctly — the work on the field turned out to be more costly than he had assumed. He left for London for money, but came back with two fine English racers and suggested

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
12 <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-185-5/>

то бай будет оплачивать местных рабочих и предоставит лошадей, необходимых для работы прииска. Если первым придет казах, то весь прииск достанется баю, так же как и лошади, привезенные из Лондона. Через каждые десять километров маршрута стояли судьи — казахи, англичанин и русский казак. Англичанин скакал сам, казахи посадили на лошадь подростка, и казахская лошадь пришла первой. Англичанин честно выполнил условия сделки. Алтынбек назвал и его имя — Уркварт.

Я немедленно перевел рассказ Алтынбека участнику нашей экспедиции английскому писателю-ориенталисту Антонию Уинну, а вскоре по возвращении получил от него информацию о том, что, действительно, в начале XX в. в этих местах работал выдающийся английский предприниматель,

a fifty kilometre horse race to a local bay. If the Englishman comes first, then the bay will pay wages to local workers and provide horses necessary for the goldmine. If a Kazakh comes first, then the entire goldmine will go to the bay as well as the horses brought from London. There were judges at every ten kilometres — a Kazakh, an Englishman and a Russian Cossack. The Englishman raced for himself; the Kazakhs sat a teenager to race on behalf of the bay; and the Kazakh horse came first. The Englishman honestly met the conditions of their deal. Alтынбек also gave us his name — Urkwart.

I immediately translated the story of Alтынбек to one of the members of our expedition, an English orientalist writer Anthony Wynn, and soon after our return I received a piece of information from him, where he confirmed that it was true that in the early 20th century a prominent English businessman —

13

позднее — миллионер, Джон Лесли Уркварт (1874–1933)⁹. Результатом нашего разговора у заброшенного рудника возможно станет полнометражный англо-русско-казахский художественный фильм, а рассказанная Алтынбеком почти элифская история попадет в британский справочник «Бизнес в Казахстане». Серию подобных ежегодников регулярно издает здесь Министерство иностранных дел и по делам Содружества.

Тогда же мы направились в гостеприимный дом, в котором живет семья брата нашего проводника. Мы пили чай из разожженного на дворе самовара и ели свежеспеченный хлеб с домашним маслом. Его вкус я помню до сих пор.

⁹ О нем см.: К. Н. Н. Kennedy, *Mining Tsar: The Life and Times of Leslie Urkwart* (Sydney, 1986).

later a millionaire — John Leslie Urkwart (1874–1933)⁹ travelled and started his business in these places. A full-length English-Russian-Kazakh motion picture might be filmed as a result of our conversation at the neglected mine. And the almost epic story told by Alтынбек will find itself on the pages of the "Guide to Business in [Kazakhstan]". A volume for each country is published annually by the Foreign and Commonwealth Office.

Then we went to a hospitable house, where the family of the brother of our guide lives. We were drinking tea from a samovar burning outside and eating freshly baked bread with homemade butter. I can still remember the taste of it.

⁹ About him see K. N. N. Kennedy, *Mining Tsar: The Life and Times of Leslie Urkwart* (Sydney, 1986).

В традиционной времени-пространстве традиционна и роль поэта и поэзии. Акын — казахский поэт-импровизатор во многом близок древнеарабскому *ша'иру*: устный характер творчества, особая социальная роль, часто связь с неземными силами, поэтические состязания...

Экспедиционный автобус подходит к селу Торайгыр. Дудин много снимал неподалеку. Удивительной красоты горы, одноименное озеро, реликтовая ольховая роща... Святой ключ «Аулие булақ» бьет неподалеку от мемориального музея поэта Султанмахмута Торайгырова, умершего в возрасте 27 лет. Традиционное время несет свои законы: музей был открыт в труднейшем 1993 г. к 100-летию со дня рождения поэта, когда на всем постсоветском пространстве часто думали прежде всего о том, чем накормить детей.

Другой пример — судьба Машхур Жусупа Копеева (Копейчулы) (1858–1931), выдающегося акына и собирателя народного творчества. Мы посетили мемориальный музей поэта, почитаемого сегодня на территории Казахстана в качестве святого, встретились с его правнуком, направились в усыпальницу-мавзолей, ставшую местом паломничества казахов со всего мира (при нас поклонится святому поэту приехал молодой казах-банкир из Лондона), а в Павлодаре зашли в Центральную мечеть, носящую имя поэта, одну из самых больших на территории республики. Машхур Копеев был одним из информантов директора МАЭ, выдающегося тюрколога академика В. В. Радлова. Под влиянием последнего он с 1872 г. приступил к сбору устной литературы Северного и Центрального Казах-

стана, что, во многом и сформировало его личность¹⁹. Так же еще в 1891 г. в Сибири Радлов по существу предопределил судьбу Дудина, взяв талантливого молодого ссыльного с собой в Орхонскую экспедицию в качестве рисовальщика.

...Мы 30 км от Каркаралинска, неподалеку блещит на закате река Талды. Шоссе сворачивает прямо на солнце. Я прикрываю глаза рукой и из-под пальцев вижу четыре мазара, снятые в 1899 г. Дудиным. Две фотографии подписаны просто: «Гробницы». Мы на месте погребения четырех султанов-волостных управителей. Это могилы султана Тауке

¹⁹ См., например: З. А. Рempel, «Роль В. В. Радлова в изучении культуры и этнографии Казахстана», *Материалы международной научно-практической конференции «Г. Н. Потанин — ученый, путешественник, общественный деятель; российская интеллигенция XIX века и проблемы истории и этнографии Казахстана»* (Павлодар, 2005), сс. 248–251.

(1769–?), его сыновей — Кусбека (1797–?), султанов Тубека (1801–?) и Бсайылхана (1828–?). Через дорогу от них находится могила слепого акына Шоже Каржаубайулы (более известен как Шоже акын) (1808–1895), попросившего похоронить себя рядом с могилой Кусбека, который также был выдающимся акыном. Шоже прославился как участник и победитель многочисленных поэтических соревнований (*айтмсов*).

Не славы и не коровы;
не тяжелой короной земной —
пошли мне, Господи, второго, —
что вытиснул петь со мной!
Прощу не любить ворованной,
не изморостей на даче —
пошли мне, Господи, второго, —
чтоб не был так одинок....

Рис. 7. Мазары неподалеку от села Беркуты. Фотографии Татьяны Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН и ЦМ РК, 2010 г.

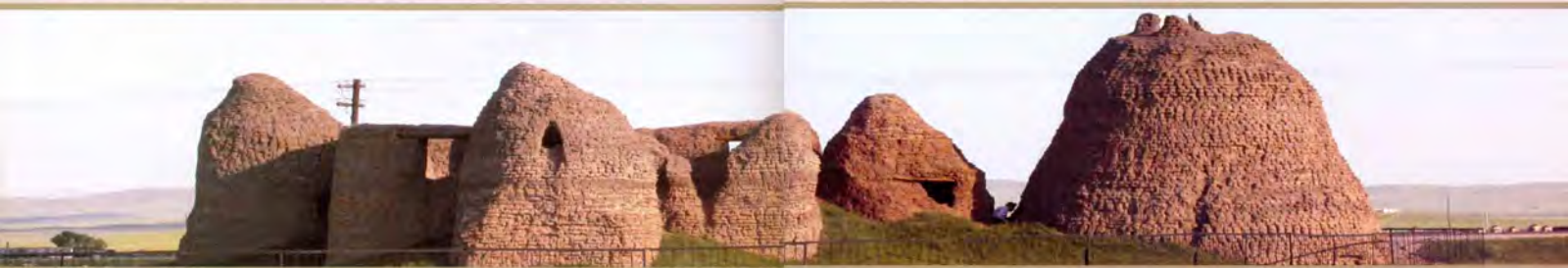

Fig. 7. The mazars not far from Berkuty settlement. Photo by Tatjana Fedorova. The MAE RAS and CMK expedition of 2010.

In the traditional time and space the role of a poet and poetry is traditional as well. Akyn — a Kazakh poet-improviser in many respects is close to an ancient Arabic *sha'ir*: the oral nature of the art, a special social role it plays, frequent connection to supernatural powers, poetic competitions...

The expedition bus drives up to the village of Toraygyr. Dudin took a great deal of photographs nearby. Mountains of striking beauty, the lake of the same name, a relict alder grove... The sacred spring known as «Auliya булақ» gushes out by the memorial museum of the poet Sultanmahmut Toraygyrov, who passed away at the age of 27. Traditional time carries its own laws: the museum was opened in the arduous year of 1993 on the occasion of the 100th anniversary of the poet's birth, when the population of all of the post-Soviet territories first and foremost thought of what to feed children with.

Another example is the destiny of Mashhur Jusup Kopeev (Kopeyuly) (1858–1931), a prominent *akyn* and collector of folklore. We visited the memorial museum of the poet, today revered as a saint on the territory of Kazakhstan, met his great grandson, headed for his mausoleum, that has become a pilgrimage site for the Kazakhs from all over the world (while we were there a young Kazakh banker from London came to pay his respects to the holy poet), and in Pavlodar we attended the Central Mosque named after the poet, one of the largest one on the territory of the republic. Mashhur Kopeev was one of the informants of Academician Friedrich W. Radloff, the director of the MAE and a prominent Turkologist. Under Radloff's influence, in 1872 Kopeev proceeded to collect the oral literature of Northern and Central Kazakhstan, which in many respects formed his cha-

racter¹⁹. Also back in 1891 in Siberia Radlov essentially predetermined the destiny of Dudin, having taken this young exile with him to the Drkhon expedition in the capacity of a graphic artist.

...We are 30 kilometres away from Karkaralinsk; not too far away the Taldy river sparkles in the sunset. The highway turns towards the sun. I cover my eyes with my hand and through my fingers I can see four mazars, photographed by Dudin in 1899. Two photographs are simply signed with "Tombs". We are at the burial site of four sultans, *volost* rulers. Today it is a pilgrimage

¹⁹ See, for instance, Z. A. Rempel, "The role of V. V. Radloff in the study of culture and ethnography of Kazakhstan", *The materials of the international theoretical and practical conference "G. N. Potanin — a scientist, a traveler, and a public figure: Russian intelligentsia of the 19th century and the problems of the history and ethnography of the Kazakhs"* (Pavlodar, 2005), pp. 248–251.

site. These are the tombs of Sultan Tauke (1769–?), his sons — Kusbek (1797–?), Sultan Tubek (1801–?) and Ismaili-Khan (1828–?). Nearby there is the tomb of improvising poet and singer (*akyn*) Shoje Karjabayuly (better known as Shoje Akyn) (1808–1895), who asked to be buried nearby the tomb of Kusbek, who also was a prominent *akyn*. Shoje also became famous as a participant and a winner of many poetic contests (*aytyses*).

Neither glory nor a cow,
Nor a heavy earthly crown —
Send to me, O Lord, another —
To sing a song with me!
I don't ask for stolen love,
Don't ask for meclies for a day —
Please, send, O Lord, another —
So that I won't be alone....

Вотивные тряпицы, повязанные всюду, свидетельствовали, что это — место паломничества.

Чтоб было с кем пасоваться, аукаться через степь, для сердца, не для оваций, на два голоса спеть!

Автобус увозил нас прочь, а мои пальцы выстукивали гитарный ритм «Песни акына» Андрея Вознесенского (1971), спетой Владимиром Высоцким. Она сделала слово «акыны» навсегда безразличным для русского уха.

Вхождение Степи в состав Империи с одной стороны дало мощнейший импульс для развития, но с другой заставило разделить общую судьбу страны, в том числе экономические и социальные эксперименты XX в. По дороге в Караганду мы остановились в небольшом акуратном по-

селке, вытанушемся вдоль шоссе. В ходе сталинских реформ он был основан переселенцами из Эстонии и получил название Лифляндское. С началом Первой мировой войны чересчур «германское» название было изменено на Покорное. Современное название поселка — Баймырза — отражает резкое изменение этнического состава его жителей. После развала СССР эстонцы и депортированные сюда с началом Второй мировой войны поволжские немцы выехали на историческую родину. Их место заняли казахи из Монголии. Историю поселка хранит местное христианское кладбище, где эстонские и немецкие имена соседствуют с русскими, а кириллица с латиницей.

Второе время, которое невозможно не заметить в Караганде — это время старолетия СССР, «бесконечное вре-

мя ружейного зала» (*tempora ballistae iactus infinita aut inferna continua*). Рядом с Астаной расположен АЛЖИР — Акмолинский лагерь жен изменников Родины, 17-е женское лагерное специальное отделение Карагандинского ИТЛ (1938–1953). Это крупнейший советский женский лагерь, один из трех «островов» «Архипелага ГУЛАГ». Лагерь был обнесен несколькими рядами колючей проволоки, были установлены вышки охраны. В 1942 г. здесь было казнено 50 женщин, двенадцать из которых решением Архиерейского собора РПЦ (август 2000 г.) «прославлены в сонне новопочинков и исповедников Российских для общецерковного почитания». В списке узниц АЛЖИРА можно встретить имя Рахили Михайловны Мессерер-Плиссеской, актрисы кино и матери Майи Плиссеской (находилась в лагере с грудным ре-

бенком); имя автора «Кругого маршрута» и матери Василия Аксенова Евгении Семеновны Гинзбург; имя Анны Васильевны Книпер (в первом замужестве Тимиревой), русской поэтессы, возлюбленной адмирала Колчака и матери художника Владимира Тимирева.

Шел мелкий дождь. Капли стекали по стене черного полированного гранита, на которой выбиты имена всех узниц АЛЖИРА — двадцать тысяч женских имен и судеб. Казахские мальчишки и девчонки в белых рубашках стойко моли в почетном карауле. Работали фоторепортеры и тележурналисты. Множество сытых, нарядно одетых и ухоженных людей, стоя под зонтиками, слушали заунывные молитвы, которые по очереди читали представители четырех конфессий. Неподдалеку поклонившись под дождем громадные белоснежные

Рис. 8. Неподдалеку от Каркараллинска. Фотографир Татьяна Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН и ЦГМ РК, 2010 г.

Fig. 8. Not far from Karkaralinsk. Photo by Tatjana Fedorova. The MAE RAS and CMK expedition of 2010.

Votive rags, tied everywhere, testified of this place being a pilgrimage site.

That there'd be someone to walk with, someone to halloo through the steppe with, for my heart, not for ovations, that we could sing a two-part song!

The bus was driving us away, and my fingers were tapping the guitar rhythm of "The Song of Akyn" of Famous Russian poet Andrey Voznesensky (1971), performed by Vladimir Vysotsky, an iconic Soviet and Russian poet, singer and actor. It forever made the word "akyn" not indifferent to a Russian ear.

On the one hand the inclusion of the steppe into the composition of the Empire gave a high-power pulse for development, yet on the other hand it forced it to share the fate of the entire country, including economic and social ex-

periments of the 20th century. On the way to Karaganda we made a stop in a small neat settlement stretching along the highway. In the course of reforms (1901–1903) instituted during the tenure of Pyotr Stolypin, Chairman of the Russian Council of Ministers, it was founded by the migrants from Estonia and was named Lifland. With the beginning of World War I the overly "German" name was replaced by Pokornoe (*Submissive* in Russian translation). Its modern name — Bay Mirza — reflects the sudden change of the ethnical make-up of its population. After the break up of the USSR Estonians and Germans, who used to live along the Volga River and were deported here with the beginning of World War I, departed for their historical homeland. Their place was occupied by the Kazakhs from Mongolia. The local Christian cemetery keeps the history of this settlement, where Estonian and German names

are neighbours of the Russian ones, and Cyrillic alphabet — of the Latin one.

The second time, which is impossible not to notice in Kazakhstan, is the time of the Stalin's USSR, "the infinite time of gun volley" (*tempora ballistae iactus infinita aut inferna continua*). "ALJIR" ("Akmoлинsk camp of wives of traitors of the Motherland") is located by Astana. It is the 17th women's special department of the Karaganda Corrective Labour Camp (1938–1953). This is the Soviet largest women's camp, one of the three "islands" of "the GULAG Archipelago". The camp was fenced with several rows of barbed wire; watchtowers were erected. In 1942 fifty women were executed here, twelve of which by the decision of the Assembly of Hierarchs of the Russian Orthodox Church (August of 2010) were "glorified in the realm of Russian neo-martyrs and confessors for the reverence

by the entire Church". Browsing through the list of the ALJIR prisoners one may find the name of Rachel Mikhaylovna Messerer-Pliссesкая, a film actress and the mother of world famous ballerina Maya Plіссesкая (she was in the camp with the infant at the time); the name of the author of "Steep Route" and mother of the Russian writer Vasily Aksyonov, Yevgenia Solomonovna Ginzburg; the name of Anna Vasil'yevna Kniper (Timiryova in her first marriage), a Russian poetess, the mistress of Admiral Kolchak and mother of the painter Vladimir Timiryov...

It was drizzling. Rain drops were trickling down the black polished granite wall, which contains the names of all of ALJIR prisoners carved in — twenty thousand women's names and destinies. Kazakh boys and girls in white shirts were firmly standing guard in honour. Press photographers and television

туристские автобусы, на которых они приехали сюда, и невозможно было представить себе, что прямо здесь в степи, на берегу поросшего камышом озера в течение 15 лет исправно функционировал филиал ада на земле.

Карлаг, оказавшийся местом заключения множества деятелей науки и искусства СССР и зарубежья, стал важным культурным очагом: заключенные проводили концерты и ставили спектакли (в том числе балетные!), художники занимались оформительскими работами. Именно здесь были заложены важные предпосылки развития нового этапа искусства Казахстана в целом. Обо всем этом нам еще раз напомнят хранящиеся в карагандинском Художественном музее картины замечательных художников, оказавшихся в лагерях, созданных в казахских степях. Через Карлаг прошли мил-

лионы советских людей разных национальностей. Сегодня в Казахстане осуществляется государственная программа памяти жертв политических репрессий. Подобной нет нигде на постсоветском пространстве.

...УАЗик неторопливо и уверенно пробирался сквозь скопления гранитных валунов. Скалы причудливых форм, исленные ветром сосны, все это часто напоминало родной Карельский перешеек. Мы ехали к святой пещере, одному из древнейших сакральных мест на территории Казахстана.

«По легенде название "Коныр аулие" идет со времен пророка Ноя (Нух), спасителя мира, зверей и птиц. При всемирном потопе трое аулие опаздывали. Когда они прибыли, на корабле Ноя уже не было мест. Тогда, связав три бревна, они сели на них и привязались к кораблю. Их бревна наткнулись на камень

и оторвались. Трое предсказателей развехались. После спада воды, когда начали появляться горы и сопки, бревно святого Коныра приплыло к пещере, где он и обосновался. Пещеру называли "Коныр аулие". Люди здесь соблюдали строгий закон: во-первых, соблюдали естественную чистоту; во-вторых, приходили трезвыми; третьим условием было — каждый должен прикоснуться к созданию чистоты на территории пещеры — это святой долг каждого человека, — такая надпись встретила нас в начале подъема к пещере. Я прочитал надпись с удивлением, так как во всех известных мне источниках эта пещера называлась Аулие-Тас. Еще в 1903 г. газета «Киргизский край» писала, что «Аулие-Тас представляет из себя длинную, сажень в десять, пещеру, у западной стены которой лежит большой, с углублением в середине камень. В нем постоянно скаплива-

ется стекающая со стен и потолка пещеры холодная, прозрачная вода, отличающаяся, по мнению киргизов, очень целебными свойствами. Посещающие пещеру киргизы пьют эту воду, обмывают ею большие части своего тела и употребляют для установленных у магометан омовений. В пещере, по преданию киргизов, жил когда-то святой человек. Народа съезжается к Аулие-Тас временами очень много; особенно много бывает женщин, так как святая вода пещеры уничтожает, по мнению тех же киргизов, бесплодие женщин».

Что же до пещеры «Коныр аулие», то она, как я знал, расположена приблизительно в 200 км от Семипалатинска на склоне горы Актас, омываемой рекой Чаган. Эту громадную пещеру с глубоким озером и то ли с изваянием, покрытым известковой коркой, то ли «коканельным трупом, подвергав-

Рис. 9. Степь неподалеку от села Торайгыр. Фотография Татьяны Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН и ЦГМ РК, 2010 г.

Fig. 9. Steppe land not far from Torayghy settlement. Photo by Tatyana Fedorova. The MAE RAS and CMK expedition of 2010.

reporters were working. A great number of satisfied, well-dressed and well-groomed people, standing under umbrellas, were listening to the requiems, which one by one were read by the representatives of four confessions. Huge snow-white tourist buses were gleaming under the falling rain not too far away; they probably brought the tourists here. It is inconceivable that right here in the steppe, on the rushy lakeside, a branch of hell on earth orderly functioned in the course of 15 years.

"Karlag", the place of detention of many men of science and arts of the USSR, became an important culture centre: prisoners held concerts and staged shows (including the ballet ones!), artists were busy with design. It was there that significant prerequisites for a new phase of the Kazakhstan art in general were laid. We were again reminded of all of the aforementioned by the paintings kept in the Karaganda Museum of

Art, that belong to the brush of remarkable artists, who found themselves in the camps formed in the Kazakh steppes. Millions of Soviet men of various nationalities passed through Karlag. A state program for the memory of the victims of the political repressions is carried out in Kazakhstan today. Nothing of the kind exists anywhere else on the post-Soviet territories.

...Our UAZ was leisurely and confidently making its way through clusters of granite boulders. The rocks of fanciful shapes, wind-whipped planes; all of these pictures reminded me my native Karelia vent. We were going to the sacred cave, one of the most ancient sacral sites on the territory of Kazakhstan.

"...According to the legend the name "Konyr Awlia" dates back to Prophet Noah (Nuh), the saviour of the world, animals and birds. At the time of the world Flood three awlias were being late. When they arrived, the boat of Noah already had no room.

Then, tying three logs together, they boarded those and tied themselves to the boat. Their logs ran against a rock and tore off. The three foretellers were taken in different directions. After the waters receded, when mountains and hills began appearing, the log of holy Konyr floated to the cave where he settled down. The cave was called "Konyr Awlia". Three people observed stringent laws: firstly, the natural cleanness was preserved; secondly, only sober people would attend this site; third condition was that everyone needed to touch the creation of the cleanness on the territory of the cave — this is the sacred duty of every man". This inscription greeted us at the beginning of the ascent to the sacred cave, one of the most ancient sacral sites on the territory of Kazakhstan. I read the inscription with great surprise since in all the sources known to me this cave was referred to as Awlia-Tas. Back in 1903 the "Kirghiz Land"

newspaper ran that "Awlia-Tas" is a long cave of about ten sazhen (around 22 meters); at the western wall of which lays a large rock with a hollow in the middle. Cold and clear water trickling down from the walls and ceiling of the cave constantly accumulates in it. The Kirghiz believe that this water is very distinguished on account of its healing properties. The Kirghiz visiting the cave drink this water, wash diseased members of their bodies and also use it for the ablutions established among Mohammedans. According to the legend of the Kirghiz a holy man once lived in the cave. At times there are great numbers of people visiting Awlia-Tas, and especially many women, since the Kirghiz believe that the water cleanses women of infertility".

As for the cave of "Konyr Awlia", it, as far as I knew, was located about 200 km away from Semipalatinsk, on the slope of the Aktas mountain and was washed by the Chagan River. And this

шесю много лет действо известковой воды¹⁰, им собирались посетить в конце нашего пути. Было известно, что, как и Аулие-Тас, эта пещера пользовалась доброй славой среди женщин, мечтавших о материнстве, но лишенных такой возможности. Среди связанных с ней легенд — потайная дверь на дне озера, ведущая в некую гробницу, и проток, будто бы связанный с самой Меккой подземными путями.

К моему громадному сожалению добраться до этой пещеры нам не удалось: жесткие временные рамки экспедиции в конце концов не позволили сделать почти пятисоткилометровый крюк в сторону Семипалатинска. Однако я, похоже,

¹⁰ В. А. Брыханов, «Каныр-Аулие», *Записки Семипалатинского подотдела Императорского Русского географического общества VI* (1912), сс. 2–3.

понял, почему пещера Аулие-Тас позаимствовала свое нынешнее название вместе с легендой от другой, расположенной за много сотен километров.

15 января 1965 г. приблизительно в ста километрах от «семипалатинской» пещеры ниже по течению реки Чаган был произведен первый советский ядерный взрыв в интересах народного хозяйства. Цилиндр диаметром 86 сантиметров и длиной три метра содержал заряд, равный девяти Хиросимам, при этом 94 % энергии взрыва обеспечивалось реакциями термоядерного синтеза, не дающими радиоактивных продуктов. Воронка должна была стать прекрасным водохранилищем с небольшой площадью испарения и гладким стекловидным дном, что обеспечило бы сохранность воды. Советские газеты писали: «В результате было создано прекрасное озеро Чаган

с чистой прозрачной водой. Местность преобразилась. ... Произошло событие, которое так долго ждали. Стояла обычная для этих мест жара. Люди изнывали. Правда, на берегу было чуть прохладнее, но как манила эта безмятежная водная гладь! Поистине, близок локоть, да не укусишь... Пока, наконец, недюки не дали «добро», и все обитатели поселка побежали на пляж. Купались долго, от души...»

Министр среднего машиностроения Е. П. Славский сам испытался в «атомном озере» и поручил снять документальный фильм об эксперименте: по голубому озеру мчится белоснежный катер... При этом за кадром осталось то, что, несмотря на уникальный характер взрыва, радиоактивному заражению подверглась значительная территория, включающая 11 населенных пунктов, в которых проживало около двух тысяч человек.

Даже в настоящее время уровень гамма-излучения на краях воронки превышает естественный радиоактивный фон в семь — десять раз. На озере, получившем у местных жителей название Атом-коль, была создана опытная биологическая станция с целью исследования воздействия остаточной радиации на живые организмы. В воду было выпущено 36 видов рыб, в том числе и амазонские пираньи. Сегодня озеро и близлежащие территории официально внесены в список местностей, особо сильно пострадавших от ядерных испытаний¹¹. В этой связи становится понятным, почему вода в пещерном озере, расположенном внутри или поблизости от зоны заражения, перестала рассматриваться местным населением в качестве целеб-

¹¹ Подробнее см. статью «Проект Чаган» в русской Википедии и <http://kursakov.narod.ru/ozero.htm>.

Fig. 10. В степи неподалеку от аула Жанакөл. Фотография Татьяны Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН и ЦМ РК, 2010 г.

Fig. 10. Steppe land not far from Janaköl aul. Photo by Tatjana Fedorova. The MAE RAS and CMK expedition of 2010.

enormous cave with a deep lake and either with a statue covered in lime crust or with “petrified carcass, which for many years was exposed to lime water”¹⁰ I intended to see at the end of our journey. This cave was known to have a good reputation among women, who aspired after maternity but were devoid of such a possibility. Among the legends connected to this cave there is one that says that supposedly at the bottom of the lake there is a secret door that leads to a certain tomb and that it has direct channel linking it to Mecca itself with a net of underground tracks.

To my deep regret we could not make it to the cave: strict timeframes of the expedition ultimately did not allow us to make a detour of almost five hundred kilometres toward Semipalatinsk. However, I seemed to understand why the cave

of Awlia-Tas borrowed its name and the legend itself from another cave, located many kilometres away from it.

On the 15th of January of 1965 about one hundred kilometres away from the “Semipalatinsk cave” downstream the Chagan River the first Soviet nuclear head was exploded in the interest of national economy. The cylinder of 86 centimetres in diameter and three meter in length contained the payload equal to nine Hiroshimas. Yet 94% of the energy of the explosion was provided by the reactions of thermonuclear synthesis, which did not release any radioactive products. The crater was supposed to be a fine water reservoir with a small area for evaporation and a smooth glass-like bottom, which would provide the safekeeping of water. Soviet newspapers wrote: “As a result a great lake of Chagan with pure and clear water was created. The landscape and the country itself have

undergone transformation. ...The event, which had been waited on for so long, has finally happened. It was hot, which was so usual for this area. People were languishing. It was a little cooler on the lakeside, though, but this placid water mirror-like surface was beckoning! Indeed, so near and yet so far... Finally, the doctors gave “the green light”, and all the residents of the settlement ran to the beach. Everybody swam for a long time, from the bottom of the heart...”

Efim Slavsky himself, the Soviet “Atomic minister” went for a swim in a “nuclear lake” and commissioned for a documentary to be filmed about the experiment: a snow-white power boat is ripping on the surface of the azure lake... In spite of the unique nature of the explosion, a significant territory, including 11 inhabited localities, populated by about two thousand inhabitants, was left off the screen. To date the level of gamma

radiation around the edges of crater 7–10 times exceeds the natural radioactive background. An experimental biological station was installed on the lake nicknamed “Atom-qol” by the locals. The goal of the station was to research the impact of the residual nuclear radiation onto living creatures. 36 kinds of fish were released into the water, including the Amazon piranha. Today the lake and its neighbouring territories are officially on the list of the localities, which seriously suffered from nuclear tests¹¹. In this regard it becomes clear why the water in the cave lake, located within or nearby the contamination zone, ceased to be considered of healing properties by local population. Hence the name and the popular legend “fell to” the cave of Awlia-Tas. Indeed, the condensed water accumulated in a small

¹¹ For greater detail see the article titled “The Chagan Project” in Russian Wikipedia and at <http://kursakov.narod.ru/ozero.htm>.

¹¹ V. A. Bryukhanov, “Kanyr-Awlie”, *The Notes of Semipalatinsk Subdivision of the Emperor’s Russian Geographic Society VI* (1912), pp. 2–3.

ной. И название, и популярная легенда «достались» пещере Аулие-Тас. Ведь и там водяной конденсат, скапливающийся в небольшом углублении в верхней части пещеры, считали верным лекарством от бесплодия.

Что же до легенды о Кониры, то она, безусловно, заслуживает самого серьезного изучения. Легенда имеет множество параллелей, но первое, что естественным образом сразу приходит в голову, эта история о первенце Адама — Каине. Прародитель «послепопотоного человечества» был

¹² Именно так согласно некоторым интерпретаторам следует понимать библейский стих «Вот, ты теперь спяешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь» (Быт. 4:14).

потомком Сифа, сына, дарованного Еве вместо убитого Авеля. Вместе с тем, по ряду апокрифов после потопа выжили и некоторые потомки Каина, сохранившие древние магические знания, или даже он сам. Одним из литературных отражений этих легенд стала, например, ранняя новелла Николая Гумилева «Дочери Каина»:

«Тропинка вилась между каменных стен, то поднималась, то опускалась и внезапно привела его на небольшую поляну, освещенную полной луной. Тихо качались бледно-серебряные злаки, на них ложилась тень гигантских неведомых деревьев, и неглубокий грот чернел в глубине. Слово сталактиты поднимались в нем семь одетых в белое неподвижных фигур. Но это были не сталактиты. Семь высоких девушек, странно прекрасных и странно бледных, со строго опущен-

ными глазами и сомкнутыми алыми устами, окружали открытую мрачную гробницу. В ней лежал старец с серебряной бородой, в розовой одежде и с золотыми запястьями на мускулистых руках. Был он не живой и не мертвый»¹³.

На этом фоне «атомная» пещера с тайной гробницей и покрытым известковой коркой «окаменным» трупом, подвергавшемся много лет действию известковой воды, несомненно, — сюжет, достойный Борхеса, с моралью о глупости творческой изобретательности и разрушительных экспериментах кайнитов-богоборцев.

¹³ Н. С. Гумилев, «Дочери Каина», Собрание сочинений (Москва, 2005), в. 6, с. 34. Ср. также масонскую легенду о жизнелюбивой и творческой, «верховой» расе кайнитов (Жерар де Нерваль, «История о Царице Урра и о Сулаймане, повелителе духов» (Москва, 1996)) и боготорческого байронического «Каина».

Так что, Казахстан это и особое «прошедшее-будущее» (*perfectum ad futuram consequitur*) время. Это и Атом-коль и Сары-Шаган — полигон для разработки и испытаний противоракетного оружия, расположенный к северо-западу от озера Балхаш в Голодной Степи. Звездные войны: здесь испытаны все отечественные противоракетные системы, здесь работал комплекс для испытания боевых лазеров с ядерной накачкой и электролазерного оружия. Именно отсюда 10 октября 1984 г. лазерный лоцатор осуществил зондирование американского космического корабля «Челленджер», вызвавшее сбой в работе бортовых систем и жалобы экипажа на неприятные ощущения.

Tradita continua infernaque ad perfectum consequenda sunt... В психологии термин *taxis* имеет свое, специальное значение. Здесь это инстинктивная форма пространственной

Рис. 11. По дороге к урочищу Кент. Фотография Татьяны Федоровой. Эпопея МАЗ РАН и ЦГМ РК, 2010 г.

Fig. 11. On the way to the valley of Kent. Photo by Tatyana Fedorova. The MAE RAS and CMK expedition of 2010.

hollow in the upper part of the cave was considered to be an unfailing medicine from barrenness.

And in regards to the legend of Konyr, it is certainly deserves to be seriously studied. The legend has many parallels, but the first thing that comes to mind is the story of the firstborn son of Adam — Cain, who withdrew into caves from the face of God¹². According to the biblical legend, after the Flood Noah was spared, who was not connected to the kindred of Cain. The forefather of “the after-Flood humankind” was a descendent of Seth, the son given to Eve instead of the murdered Abel. According to some apocrypha, however, several descendents

¹² According to some interpreters this is exactly how the following Bible verse needs to be understood: “Today You are driving me from the land, and I will be hidden from Your presence” (Genesis 4:14; New International Version).

of Cain survived the flood as well; they kept some ancient magic knowledge, and maybe even Cain himself survived, too. An early short story of a famous Russian poet Nikolay Gumilev (1886–1921), “The Daughters of Cain”, for instance, became one of the literary responses to these legends:

“The path snaked between the stony walls, raising and dropping and then suddenly leading him to a large meadow lit with full moon. Pale silver herbs were quietly waving; the shadow of unknown gigantic trees was falling onto them, and a shallow grotto was blackening in the deep. Seven motionless figures clothed in white were standing there as if stalactites. But those were not stalactites. Seven tall maidens, strangely beautiful and strangely pale, with their eyes bent strictly downwards and closed ruby lips, surrounded an open marble tomb. It contained an elder with a silver beard, dressed in fine

clothes and wearing golden bracelets on his muscular arms. He was neither alive nor dead”¹³.

Against this background the “nuclear” cave with a secret tomb and a “petrified carcass, which for many years was exposed to lime water” and thus covered with a lime crust, is undoubtedly a plot worthy of Borges, with the morale of the malignancy of artistic ingenuity and destructive experiments of the theomachist Kainites.

Therefore, Kazakhstan is also a special “past-future tense” (*perfectum ad futuram consequitur*). This is Atom-qol and Sary-Shagan — an experimental ground for antimissile weapon

¹³ N. S. Gumilev, “The Daughters of Cain”, *Collected Works* (Moscow, 2005), v. 6, p. 34. See also a Masonic legend of the buoyant and creative “supreme” race of the Kainites (Gérard de Nerval, “History of the Queen of the Morning, and Soliman, Prince of the Djinn”) and theomachist “Cain” of Byron.

development and testing, located to the north-west of the Balkhash Lake in the Hungry Steppe. Star Wars indeed: all Soviet and Russian antimissile systems were tested here, the complex for the testing of the battle lasers with nuclear pumping and electrolaser weapons operated here. It was from there that the laser locator probed the American spaceship Challenger on October 10th of 1984, which provoked malfunction in the on-board systems and complaints of the crew of unpleasant sensations.

Tradita continua infernaque ad perfectum consequenda sunt... In psychology the term *taxis* has its own special meaning. Here it is an instinctive form of spatial orientation of living beings, in concordance with which they begin moving either towards favourable, vital and essential elements of environment or away from unfavourable. A member of our expedition, Anton Uspenskiy, an art critic, accurately noted that

ориентации живых существ, в соответствии с которой они начинают двигаться либо по направлению к благоприятным, жизненно необходимым элементам окружающей среды, либо от неблагоприятных. Участник нашей экспедиции искусствовед Антон Успенский точно отметил, что современная Астана брошена в степь сказочным дастарханом. В комплексе современных зданий министерств и ведомств Казахстана, дугой охватывающих одну из центральных площадей города, легко прочитывается и идея традиционной туркестанской крепости (*кала, арк*) и образ петровских Двенадцати коллегий, вот уже двести лет являющихся главным зданием Петербургского университета. Астана — это самое новое время Казахстана, время, объединяющее многовековой опыт страны и ставшее символом избранного пути развития.

Рис. 12. Байн-аук. Фотографии Татьяны Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН и ЦГМ РК, 2010 г.

Fig. 12. Bayanaul. Photo by Tatjana Fedorova. The MAE RAS and CMK expedition of 2010.

the modern Astana has been cast into the steppe by a fairytale *dastarkhan*¹⁵. In the complex of the modern edifices of ministries and departments of Kazakhstan, that arch around one of the central squares of the city one can easily see both the idea of traditional Turkestan fortress (*qala, arq*) and the shape of the Petrine Twelve Collegia, that for two hundred years now have been the main edifice of the Petersburg University. Astana is the newest tense of Kazakhstan, the time which combined centuries-old experiences of the country and has become the symbol of the development path chosen.

The joint work of Russian and Kazakh scientists must result in the exhibition (2011) and the catalogue album,

¹⁵ The name applied across Central Asia to the traditional space where food is eaten.

***
Итогом совместной работы российских и казахских ученых должна стать выставка (2011 г.) и альбом-каталог, представляющий уникальные фотографические материалы С. М. Дудина вместе с комплексом исследовательских материалов. По существу, речь идет о завершении работы, задуманной в 1899 г. в «Этнографическом бюро».

Выставочный проект цикла «Экспедиции продолжаются» должен представить образы и символы традиционной культуры жителей Казахстана, запечатленные как в фотоработах С. М. Дудина и предметах из собранных им коллекций, так и в фото и видео материалах экспедиции 2010 г. Особенностью выставочного проекта является комплексность, когда одновременно экспонируются предметы традиционной культуры

presenting unique photographic materials of Samuel Dudin together with a complex of research materials. Essentially, it concerns the completion of work intended in 1899 at the Tensishev "Ethnographic Bureau".

The exhibition project of the series "Expedition Are Not Over" must present images and symbols of the traditional culture of the population of Kazakhstan, depicted in the photographic works of Samuel Dudin and artifacts collected from the collections he gathered, as well as in the photo and video materials of the expedition of 2010. A special feature of the project is its comprehensiveness, when simultaneously items of traditional culture are displayed and photographs and videos are shown, graphically illustrating their use in real life. The exhibition space thus gains a third dimension, and the viewer has the impression of being present, and gets

и демонстрируются фотографии и видеосюжеты, наглядно иллюстрирующие использование этих предметов в реальной жизни. Выставочное пространство таким образом приобретает объемность, у зрителя возникает эффект присутствия, возрастает ощущение документальности в подаче культурной и научной информации.

Важной частью выставки станут ранние технические средства создания и воспроизведения изображений — фотоаппараты, средства печати фотоснимков и их демонстрации (стереоскопы, «викторианское телевидение»), и т. п.

Проект реализуется в ходе подготовки к 300-летию первого российского государственного музея — Петровской Кунсткамеры, в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» при содействии Министерства

культуры РК и при участии Российского Этнографического музея, Санкт-Петербургского Музея истории фотографии, Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Научно-исследовательского музея Российской Академии художеств, Российского Государственного исторического архива, Санкт-Петербургского Филиала Архива РАН, Архива Русского Географического общества.

Абай принадлежит замечательные слова «Знания оборачиваются горечью, приносящей преждевременную старость, когда нет рядом человека, с кем можно поделиться радостью и печалью»¹⁶. Мы искренне надеемся, что в этом проекте молодые российские и казахские исследователи смогут найти себя и друг друга.

¹⁶ Абай (Ибрагим) Кунанбаев, «Слово первое», Книга Слов (Слова Назидания), пер. Р. Сейсенбаева, К. Серикбаевой (ссылка: <http://abai.norbekov.kz>).

a feeling of actuality in the presentation of the cultural and scholarly information.

An important role of the exhibition will be played by the early technical means of making and reproducing the image — still cameras, the means of photograph printing and of their demonstration (stereoscopes, "Victorian TV"), etc.

The project is being carried out in the course of the preparation for the 300th anniversary of the first Russian State Museum — Peter the Great Kunstkamera within the framework of the Program of Fundamental Researches of the Presidium of the RAS "Historical Cultural Heritage and Spiritual Values of Russia" through the instrumentality of the Ministry of Culture of the Republic of Kazakhstan and with the participation of the Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg Museum of the History of Photography, the Institute of Russian Literature

(Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Research Museum of the Russian Academy of Art, Russian State Historical Archive, St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, and the Archive of the Russian Geographic Society.

The following remarkable words belong to famous Kazakh poet, composer and philosopher Abay (1845–1904): "Knowledge turns into bitterness, bringing old age prematurely, where there is no person beside you with whom you can share joy and sorrow"¹⁶. We sincerely hope that young Russian and Kazakh researchers will be able to find themselves and one another in this project.

¹⁶ Abay (Ibrahim) Kunanbaev, "The first word", *The Book of Words (The Words of Edification)*, transl. into Russian by R. Seisenbaeva, K. Serikbaeva (see <http://abai.norbekov.kz>).

1899

В серии казахских работ Дудина 1899 г. выделяется группа фотографий, специально выбранная им для представления в цвете предметов традиционной одежды и быта казахов. Отобранные фотографии были специально откадрированы и тонированы художником с помощью красок на водной основе. Первое впечатление невольно связывает эти работы с известными среднеазиатскими сериями Василия Верещагина (1842–1904). Вместе с тем, аннотации к фото, составленные автором, подчеркивают безусловно этнографический характер работы. Для нас важно, что, используя «все преимущества документальности, беспристрастного и точного протокола», которые дает фотография, Дудин оставляет в первую очередь художником.

A group of photographs is singled out among the series of Kazakh works of Dudin of 1899, specially selected by him for the colour presentation of the items of traditional clothing and way of life of the Kazakhs. The selected photographs were specially cropped and toned by the artist with the help of watercolours. The first impressions involuntarily link these works with the known Central Asian series of Vasilii Vereschagin (1842–1904). At the same time, the annotations written by the author for the photographs highlight the indisputable ethnographic nature of his work. It is important that even though he utilized "all the advantages of documentality, unbiased and accurate protocol" given by photography, first and foremost Dudin is an artist.

1. «Юстом девочки». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г.
Акварель по фотоотпечатку, 8,0 × 23,0 см.
МАЗ РАН, № 1199–34–P2 (исходный фотоотпечаток
№ 1199–34–P1, 12,3 × 17,6 см).

1. "Girl's dress". Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899.
Watercolour over the photographic print, 8,0 × 23,0 cm.
MAE RAS, No. 1199–34–P2 (source photo
No. 1199–34–P1, 12,3 × 17,6 cm).

2. «Тойтеры» (дорогая одежда из шкуры одно-двухлетней лошади — тая). Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Акварель по фотоотпечатку, 10,1 × 17,3 см. МАЭ РАН, № 1199-76-P2 (исходный фотоотпечаток № 1199-76-P1, 12,0 × 17,6 см).

2. "Toytery" (expensive overcoat made of fell of tay one-two years old horse). Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899. Watercolour over the photographic print, 10.1 × 17.3 cm. MAE RAS, No. 1199-76-P2 (source photo No. 1199-76-P1, 12.0 × 17.6 cm).

3. «Костюм бедной невесты». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Акварель по фотоотпечатку, 11,9 × 23,3 см. МАЭ РАН, № 1199-58-P2 (исходный фотоотпечаток № 1199-58-P1, 17,4 × 23,7 см).

3. "Poor bride's dress". Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899. Watercolour over the photographic print, 11.9 × 23.3 cm. MAE RAS, No. 1199-58-P2 (source photo No. 1199-58-P1, 17.4 × 23.7 cm).

4. «Пожилая бедная женщина в традиционном костюме».
Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Акварель по фотопечатку.
8,5 × 22,7 см. МАЭ РАН, № 1199-10-P2
(исходный фотоотпечаток № 1199-10-P1, 16,8 × 23,7 см).

4. "Old poor woman in folk costume". Photo by Samuel Dudin.
Kazakhstan, 1899. Watercolour over the photographic print.
8.5 × 22.7 cm. MAE RAS, No. 1199-10-P2
(source photo No 1199-10-P1, 16.8 × 23.7 cm).

5. «Мужской костюм — рубаха, штаны, сапоги». Фотограф С. М. Дудин.
Казахстан, 1899 г.
Акварель по фотопечатку,
10,8 × 17,2 см.
МАЭ РАН, № 1199-27-P2
(исходный фотоотпечаток
№ 1199-27-P1, 12,0 × 17,1 см).

5. "Men's folk costume — shirt, trousers, high boots". Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899. Watercolour over the photographic print, 10.8 × 17.2 cm. MAE RAS, No. 1199-27-P2 (source photo No 1199-27-P1, 12.0 × 17.1 cm).

6. «Девушка в традиционном костюме». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Акварель по фотоотпечатку, 6,8 × 17,8 см. МАЭ РАН, № 1200-501 (исходный фотоотпечаток № 1199-211, 12,0 × 18,0 см).

6. "Girl in a folk costume". Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899. Watercolour over the photographic print, 6.8 × 17.8 cm. MAE RAS, No. 1200-501 (source photo No. 1199-211, 12.0 × 18.0 cm).

7. «Мужской костюм». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Акварель по фотоотпечатку, 9,2 × 23,2 см. МАЭ РАН, № 1200-498 (исходный фотоотпечаток № 1199-189, 17,2 × 23,8 см).

7. "Men's folk costume". Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899. Watercolour over the photographic print, 9.2 × 23.2 cm. MAE RAS, No. 1200-498 (source photo No. 1199-189, 17.2 × 23.8 cm).

8. «Мужской костюм». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г.
Акварель по фотоотпечатку, 9,1 × 23,2 см. МАЭ РАН, № 1200-500
(исходный фотоотпечаток № 1199-195, 17,0 × 24,2 см).

8. "Men's folk costume", Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899.
Watercolour over the photographic print, 9,1 × 23,2 cm, MAE RAS
No. 1200-500 (source photo No. 1199-195, 17,0 × 24,2 cm).

9. «Мужской костюм». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г.
Акварель по фотоотпечатку, 8,2 × 22,7 см. МАЭ РАН,
№ 1200-499 (исходный фотоотпечаток № 1199-190, 17,4 × 23,8 см).

9. "Men's folk costume", Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899.
Watercolour over the photographic print, 8,2 × 22,7 cm, MAE RAS,
No. 1200-499 (source photo No. 1199-190, 17,4 × 23,8 cm).

10. «Костюм богатой казашки — камзол, ситцевая рубаха и на голове кимишек». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Акварель по фотоотпечатку, 8,1 × 21,9 см. МАЭ РАН, № 1199-194-Р3 (исходный фотоотпечаток № 1199-194-Р1, 17,2 × 23,8 см).

10. "Folk costume of a rich Kazakh woman — sleeveless jacket, cotton shirt, and kymishek on the head". Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899. Watercolour over the photographic print, 8.1 × 21.9 cm. MAE RAS, No. 1199-194-P3 (source photo No. 1199-194-P1, 17.2 × 23.8 cm).

11. «Костюм богатой казашки — шелковый койлек, на голове кимишек». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Акварель по фотоотпечатку, 9,0 × 23,0 см. МАЭ РАН, № 1199-194-Р2 (исходный фотоотпечаток № 1199-194-Р1, 17,2 × 23,8 см).

11. "Folk costume of a rich Kazakh woman — koylek made of silk and kymishek on the head". Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899. Watercolour over the photographic print, 9.0 × 23.0 cm. MAE RAS, No. 1199-194-P2 (source photo No. 1199-194-P1, 17.2 × 23.8 cm).

12. «Костюм замужней женщины — рубаха, кимिशек и пояс». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Акварель по фотоотпечатку, 9,4 × 23,3 см. МАЭ РАН, № 1199-256-P2 (исходный фотоотпечаток № 1199-256-P1, 16,7 × 23,2 см).

12. "Folk costume of a married woman — shirt-dress, *kimishek* and waistband". Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899. Watercolour over the photographic print, 9.4 × 23.3 cm. MAE RAS, No. 1199-256-P2 (source photo No. 1199-256-P1, 16.7 × 23.2 cm).

13. «Женский костюм — цветной койлек». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Акварель по фотоотпечатку, 9,3 × 23,2 см. МАЭ РАН, № 1200-496 (исходный фотоотпечаток № 1199-186, 17,3 × 23,5 см).

13. "Folk costume of a woman — colour *koylek*". Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899. Watercolour over the photographic print, 9.3 × 23.2 cm. MAE RAS, No. 1200-496 (source photo No. 1199-186, 17.3 × 23.5 cm).

14. «Мужской костюм — камзол с короткими рукавами и тельпак на голове». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Акварель по фотоотпечатку, 9,3 × 22,9 см. МАЭ РАН, № 1199-193-P3 (исходный фотоотпечаток № 1199-193-P1, 17,2 × 24,3 см).

14. "Men's folk costume — sleeveless jacket and a telpak on the head". Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899. Watercolour over the photographic print, 9.3 × 22.9 cm. MAE RAS No. 1199-193-P3 (source photo No. 1199-193-P1, 17.2 × 24.3 cm).

15. «Мужской костюм — койлек и штаны русского покроя». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Акварель по фотоотпечатку, 10,4 × 22,7 см. МАЭ РАН, № 1199-193-P2 (исходный фотоотпечаток № 1199-193-P1, 17,2 × 24,3 см).

15. "Men's folk costume — koylek and a trousers of a Russian cut". Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899. Watercolour over the photographic print, 10.4 × 22.7 cm. MAE RAS, No. 1199-193-P2 (source photo No. 1199-193-P1, 17.2 × 24.3 cm).

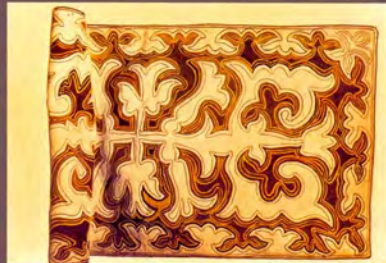
16. «Богатая казашка в дорожном костюме». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Акварель по фотоотпечатку, 8,3 × 22,7 см. МАЭ РАН, № 1200-497 (исходный фотоотпечаток № 1199-188, 16,8 × 24,1 см).

16. "Rich Kazakh woman in travelling clothes". Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899. Watercolour over the photographic print, 8.3 × 22.7 cm. MAE RAS, No. 1200-497 (source photo No. 1199-188, 16.8 × 24.1 cm).

17. «Сырмак». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Акварель по фотоотпечатку, 11,8 × 17,5 см. МАЭ РАН, № 1199-223-P2 (исходный фотоотпечаток № 1199-223-P1, 12,4 × 17,3 см).

17. "Patterned Kazakh felt carpet (syrmak)". Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899. Watercolour over the photographic print, 11.8 × 17.5 cm. MAE RAS, No. 1199-91-P1 (source photo No. 1199-223-P1, 12.4 × 17.3 cm).

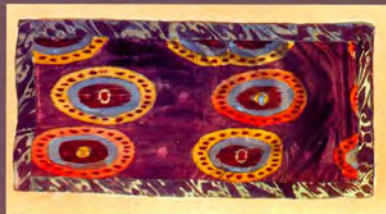
18. «Войлочный коврик для сидения». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Акварель по фотоотпечатку, 10,6 × 17,7 см. МАЭ РАН № 1199-91-P3 (исходный фотоотпечаток № 1199-91-P1, 17,8 × 24,1 см).

18. "Felt seat pad". Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899. Watercolour over the photographic print, 10.6 × 17.7 cm. MAE RAS, No. 1199-91-P1 (source photo No. 1199-91-P1, 17.8 × 24.1 cm).

19. «Джойнамаз». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Акварель по фотоотпечатку, 9,0 × 17,6 см. МАЭ РАН, № 1199-91-P2 (исходный фотоотпечаток № 1199-91-P1, 17,8 × 24,1 см).

19. "Prayer carpet (joynamaz)". Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899. Watercolour over the photographic print, 9.0 × 17.6 cm. MAE RAS, No. 1199-91-P2 (source photo No. 1199-91-P1, 17.8 × 24.1 cm).

2010

Фотоматериалы экспедиции 2010 г., привезенные из тех мест, где более века назад работал Дудин, призваны подчеркнуть значимость уникального наследия художника. В настоящем издании казахские фотографии С. М. Дудина дополняют работы известного петербургского фотографа Татьяны Федоровой, которая в 2004–2010 гг. принимала участие в серии историко-этнографических экспедиций МАЭ в Центральную и Юго-Восточную Азию, Аравию, Индию, Африку.

The photographic material of the expedition of 2010, brought from the sites where Dudin worked over half a century ago, is called to highlight the significance of the unique heritage of the artist. The current publication of the Kazakh photographs of Samuel Dudin are supplemented by the works of Tatyana Fedorova, a Petersburg photographic artist, who took part in a series of historical ethnographic expeditions of the MAE to Central and South-Eastern Asia, Arabia, India, Africa in 2004–2010.

1. Старик-казах. Баянаул.
Фотография Татьяны Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН и ЦГМ РК, 2010 г.

1. An old Kazakh man. Boyanaul.
Photo by Tatyana Fedorova.
The MAE RAS and CMK expedition of 2010.

2. Пожилая казашка
в традиционном головном
уборе. Каркаралинск.
Фотография
Татьяны Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН
и ЦГМ РК, 2010 г.

2. An elderly Kazakh woman
in a traditional headdress.
Karkaralinsk.
Photo by Tatyana Fedorova.
The MAE RAS and CMK
expedition of 2010.

3. «Кумыс — всему голова!»
Каркаралинск.
Фотография
Татьяны Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН
и ЦГМ РК, 2010 г.

3. "Koumiss is the head
over all!" Karkaralinsk.
Photo by Tatyana Fedorova.
The MAE RAS and CMK
expedition of 2010.

4. Монашка в католической церкви в Майкудуке (Караганда), построенной в 1970-х гг. Фотография Татьяны Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН и ЦГМ РК, 2010 г.

4. A nun in the Catholic church in Maykuduk (Karaganda), built in the 1970s. Photo by Tatyana Fedorova. The MAE RAS and CMK expedition of 2010.

5. Смотритель святой пещеры Аулие-Тас (Коныр аулие) неподалеку от Баянаула. Фотография Татьяны Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН и ЦГМ РК, 2010 г.

5. The keeper of the sacred cave of Awliya-Tas (Konyr awliya) not far from Bayanaul. Photo by Tatyana Fedorova. The MAE RAS and CMK expedition of 2010.

6. Приготовление традиционного сыра (курта). Каркаралинск. Фотография Татьяны Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН и ЦГМ РК, 2010 г.

6. The making of traditional cheese (qurt). Karkaralinsk. Photo by Tatyana Fedorova. The MAE RAS and CMK expedition of 2010.

7. Доение кобылы. Каркаралинск. Фотография Татьяны Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН и ЦГМ РК, 2010 г.

7. The mare milking. Karkaralinsk. Photo by Tatyana Fedorova. The MAE RAS and CMK expedition of 2010.

8. Сбивание кумыса. Поселок Коктал на пути из Караганды в Каркаралинск. Фотография Татьяны Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН и ЦГМ РК, 2010 г.

8. The whipping of koumiss. The settlement of Koktal on the way from Karaganda to Karkaralinsk. Photo by Tatyana Fedorova. The MAE RAS and CMK expedition of 2010.

9. Разделка жертвенного барана неподалеку от усыпальницы-мавзолея Машхур Жусупа Копеева (Копейкум). Фотография Татьяны Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН и ЦГМ РК, 2010 г.

9. The cutting of a sacrificial ram not far from the mausoleum of Mashhur Jusup Kopeev (Kopeyuly). Photo by Tatyana Fedorova. The MAE RAS and CMK expedition of 2010.

10. «Маленькие хозяйки». Обособленное хозяйство по дороге к урочищу Кент. Фотография Татьяны Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН и ЦГМ РК, 2010 г.

10. "Little housewives".

the valley of Kent.
Photo by Tatyana Fedorova.
The MAE RAS and CMK
expedition of 2010.

11. Женщина с дочерью. Обособленное хозяйство неподалеку от Байн-аула. Фотография Татьяны Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН и ЦГМ РК, 2010 г.

11. A woman with her daughter. An isolated farm not far from Bayanaul. Photo by Tatyana Fedorova. The MAE RAS and CMK expedition of 2010.

12. Всадник. Каркаралинск.
Фотография
Татьяны Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН
и ЦГМ РК, 2010 г.

12. A horseman. Karkaralinsk.
Photo by Tatyana Fedorova.
The MAE RAS and CMK
expedition of 2010.

13. Пастушок и жеребенок.
Поселок Коктал на пути из
Караганды в Каркаралинск.

Фотография
Татьяны Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН
и ЦГМ РК, 2010 г.

13. Young herdsman and
a colt. The settlement of Koktal
on the way from Karaganda
to Karkaralinsk.
Photo by Tatyana Fedorova.
The MAE RAS and CMK
expedition of 2010.

14. Юрта, разобранная после поминальной церемонии.
Каркаралинск. Фотография Татьяны Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН и ЦГМ РК, 2010 г.

14. A yurt taken apart after the commemoration ceremony.
Karkaralinsk. Photo by Tatyana Fedorova.
The MAE RAS and CMK expedition of 2010.

15. Юрты неподалеку от усыпальницы-мавзолея
Машхур Жусупа Копеева (Копейулы). Фотография
Татьяны Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН и ЦГМ РК, 2010 г.

15. Yurts not far from the mausoleum of Mashhur
Jusup Kopeev (Kopeyuly). Photo by Tatyana Fedorova.
The MAE RAS and CMK expedition of 2010.

